

БАРАБОШКИНА
АНАСТАСИЯ

ПАРТУТ

16+

Анастасия Барабошкина
Везде, но только здесь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Барабошкина А. С.

Везде, но только здесь / А. С. Барабошкина — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Арт думает о том, сон ли жизнь или реальность. Пропадут ли материальные блага и не обесценятся ли дорогие нам люди уже завтра утром, когда мы откроем глаза? Вместе с салоном модернистов Арт пытается найти грань иллюзии мира.

Содержание

Смещение	6
Сон	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Партут
или
просто август

– Нас здесь держат для того, чтобы мы правильно все описывали.

– Но зачем?

*– Когда все будет описано, наступит
безмолвие знаний.*

Мы опередим прошлое.

Смещение

– Арт, дорогой, зайди ко мне на минуту!

Из небольшой, просто обставленной комнаты высунулся мужчина в шелковом халате, поправил на переносице очки, нахмурился и аккуратно прикрыл дверь. Внутренности комнаты снова стали сокрытыми за дверью со стеклянной вставкой.

Послышались шаги, вздох. По коридору шел молодой человек, худой, высокий, совершенно лысый, с немного выдающимися скулами. Он погладил лысину левой рукой, шаркнул тапками и постучался в дверь комнаты. Из-за спины его, с кухни, другой парень прокричал зычным голосом:

– Пельмени готовы, я тогда без тебя начну, хорошо?

– Да, конечно, конечно. – Не оборачиваясь, парень в коридоре улыбнулся.

Мужчина открыл дверь в комнату и выпустил в нее фигуру из теней и лысины.

– Я хотел бы тебе напомнить, Арт, что у тебя будут обследования. Мать договорилась, завтра у тебя плановый осмотр у кардиолога.

– Хорошо. А это обязательно?

– Я бы хотел, чтобы мой сын был здоровым. Поэтому обязательно. Еще вопросы?

– Я пойду? – Арт направился к выходу из комнаты быстрыми шажками.

– Завтра в 8:40.

На кухне, над остывающими пельменями, восседал парень обыкновенной внешности, с легкой щетиной на щеках и хитрым огоньком в глазах. Арт думал над тем, стоит ли ему так сильно нуждаться в кардиологе, как считает отец, и параллельно смотрел на друга. Арт поймал себя на мысли, что совершенно ничего о нем не знает. Они дружили уже восемь лет, но от этого их дружба казалась лишь невозможнее и тоньше. Так два осознанных, самодостаточных тела нашли и приняли друг друга, сошлись в братских узах, захотели терпеть и быть ответственными за свою дружбу. Непостижимо.

И сейчас второе создание из желаний и крови нависло над блюдом с пельменями в кухне Арта, оно знает его возможности и другие секреты, оно вхоже в жизнь Арта, лучше самого Арта. И это создание, это таинственное, сотканное из другой материи существо – его лучший друг, Влад. Уйдет ли он завтра или никогда? По идее, все должны когда-то уйти, поэтому и Влад не исключение, как бы сильно этого не хотел Арт. Стоит только свыкнуться с этой мыслью и жить дальше, зная, что завтра еще в нераскрытой коробке; может быть счастливым, а может быть горьким как подгоревший хлеб. Оба варианта уже здесь и живут параллельно.

Но все же о кардиологе. 8:40. Рановато.

Хотя кого Арт обманывает, он не собирается идти туда из-за неуверенности в результатах, а не из-за времени. Не хочется врать родственникам, что у тебя все хорошо. Сердце Арта давно изводило болями, к сожалению, физическими. Но он не шел ко врачам. Лучше умереть резко и не бояться, что что-то не выпил утром или что случайно разгрыз пилюлю при глотании. Замашки стариков. Еще и с легкими, возможно, беда, ведь курение должно как-то обещанно убивать. Не все же сигаретному дыму разносить людские проблемы за такие деньги. За такую сумму можно и медленно, изощренно сквозь года довести человека до потери пульса. Арт искренне считал, что сигареты приносят жизнь ради смерти, никакое не освобождение. Вот если бы кто-нибудь сверху сказал, что в одной случайной пачке, в любой из сигарет кроется моментальная смерть, то все перестали бы покупать сигареты. Куда утешительнее знать,

что ты гарантированно умрешь, но потом, спустя горы табака и слез, горы людей и людишек. Философия общества, от которой также отдает замашками стариков.

Арт и Влад уже доели пельмени, пока Арта одолевали мысли. Они немного поговорили о жизни, а потом решили съесть рагу, которое заманчиво стояло в холодильнике.

Они сидели за столом. Над головой стояла томительная тишина, которая не давала мыслям разогнаться достаточно, чтобы начать разговор. Даже часы не тикали. Изредка было слышно, как на улице паркуются машины и громко обсуждают какие-то темы прохожие. Было настолько невыносимо, что Арт стал прислушиваться к разговорам за окном, но, скорее всего к счастью, ничего не понял. Влад, ссутулившись, сидел на табуретке и рассматривал свои домашние тапки. Рагу, которое он уже изрядно поковырял вилкой, его больше не беспокоило. Арту пришла в голову странная мысль, что почему-то беспорядок, сотворенный нами, совсем нам не интересен, если в нем хватает придуманной художественной ценности. Например, Влад на своей тарелке собрал из кусочков овощей солнце, подливкой нарисовав вокруг облака. Этим произведением он был явно удовлетворен. Арт отвернулся и посмотрел в окно.

Художественная ценность. А, может, его тоже не разбирают пока только потому, что он для кого-то вымышленный шедевр или хотя бы произведение искусства? Исходя из этого, ему тогда стоит сидеть и гордиться собственным величием в этом мире, как в частной галерее. Арту представилось, что чтобы посмотреть на него, Арта, кто-то простаивает в очередях, покупает билет, толкается в гардеробе. А потом фотографируется рядом с ним в удивительной позе, чем изощренней, тем лучше, или склоняет голову на бок и серьезным взглядом разглядывает мазки автора, высеченные черты на лице Арта, пытается найти смысл и находит. Свой, звенящий вдохновением и сладостный. А Арт краснеет, смущается, ведь он не представляет собой ничего серьезного, не несет таких смыслов в своем существовании; ему становится неловко оттого, что его наполнение, никому не видимое в реальности, заполняет не он сам, а окружающие зрители, зеваки. Наверное, картинам и скульптурам также неловко сейчас представлять современный век, зная о своей настоящей стоимости. Арт решил предупредить Владу, чтобы она не губила своих картин и не делала их пустыми. Пусть дает им возможность самим наполнить себя и предстать перед публикой в собственном величии и красоте. Пожалуй, Арт этим сейчас и займется. Для начала нужно совершить хоть какое-то действие.

С усилием встав с табурета и расшевелив тишину, Арт пошел к холодильнику. Достал огурцы, сполоснул их и положил на оранжевое керамическое блюдо. Чего-то не хватало. Тогда Арт порезал огурцы дольками и красиво разложил на блюде.

– Угощайся, я только что помыл! – Влад рассеянно посмотрел на блюдо, а потом на Арта, кивнул и снова уронил голову для созерцания тапочек.

Арт поставил блюдо на стол, ровно посередине, и сел сам. Тишина заняла прежние позиции. Влад не выказывал никакого интереса к происходящему. Они молча посидели еще пару минут, и наконец Арт решился взять дольку огурца. Поглядывая на Владу и следя за его движениями, чтобы не столкнуться руками над блюдом, Арт аккуратно взял огурец и положил рядом с собой на салфетку. «Один-ноль в мою пользу». – Подумал он и удовлетворенно хрустнул пальцами. Влад ожил и одним рывком схватил с блюда огурец. Не сговариваясь, они начали по очереди брать с блюда по дольке, в своей определенной последовательности и со своей стратегией, стараясь успеть до того, как рука оппонента потянется к блюду. Арт брал огурцы с середины блюда, а Влад с правого края, огибая середину. Арт брал с чувством, расстановкой, за полетом руки думая, каким будет следующий ход Владу. Влад наблюдал за Артом, видимо, обдумывая в свою очередь свои ходы, а потом быстро хватал огурец и клал его в неаккуратную горку рядом с собой. Эта почти шахматная игра продолжалась в полной тишине, прекрасная

своей бесцельностью и ненадобностью. Дружба стала враждой, дружеской, но все равно пробудила в обоих забытые инстинкты, разожгла невидимый азарт и создала из тиканья часов настоящую музыку сражений. Минут через семь огурцы на блюде закончились, теперь оно сияло как утреннее солнце. Влад посмотрел на Арта с подчеркнуто глупым выражением лица. Он словно очнулся после транса и увидел последствия своей бессознательности.

– И, кто выиграл? – Сказал Влад, растягивая слоги.

– Ничья, 11:11. Мы оба постарались. – Арт хотел придать логики их поступкам, но у него даже в мыслях этого не получилось.

– Да. Наверное. Молодцы. – Влад снова посмотрел на свои тапочки. – Ладно, пойдем фильм смотреть, как и собирались, что ли.

Часы Влада показывали 8:07. Поликлиника находилась в конце аллеи, идти оставалось недолго.

– Боишься? – Влад похлопал Арта по плечу.

– Да чего бояться? Это всего лишь плановый осмотр, кардиолог и все на сегодня. Хотя я не знаю, честно говоря, зачем мне к нему идти. Все равно, если судьба будет – умереть мне от сердечного приступа, то так оно в любом случае и будет.

– Я не помню, чтоб ты верил в Бога. – Влад ухмыльнулся и поднял бровь.

– Как судьба связана с Богом?

– Люди, которые говорят, что верят в судьбу, автоматически становятся верующими для меня.

– Но говорить – не значит этого придерживаться. Многие говорят то, что засело на языке, а не в мыслях. Предположим, что сейчас я сказал вполне обдуманно. Но даже если я верю в судьбу, в предопределенность этого мира, это не значит, что я и в горе, и в радости поминаю бога. – Арт подумал, что, наверное, ни во что не верит.

Осмотр прошел быстро. Следующим пунктом было направление на ЭКГ. Пока все шло гладко, Арту не говорили с запинкой, что у него проблемы. Единственным странным жестом кардиолога было передать родителям, что все хорошо. Арт кивнул и ухмыльнулся. Такая просьба во взрослой поликлинике звучала по-наивному мило. Когда твоя мать работает в поликлинике, жизнь окрашивается новыми красками.

Улица слепила. Хотелось дышать, задерживать воздух в легких и раскладывать на все составляющие запахи, взвешенные в нем. Арт был счастлив от той мысли, что все здесь было по-прежнему, таким же, как и в его переезд сюда.

Арт невидимо-болезненно переносил изменения в вещах, на которых держится его будничная жизнь. Он врзался в душевный ступор при появлении в квартире на четвертом этаже, на столе, из рук матери, новой еды или при неожиданной покупке новой одежды. После таких потрясений Арт шел в полностью темную свою комнату, ложился, сжавшись, на пол и шепотом рассказывал себе стишки из «Игрушек» Агнии Барто. Щелкали старые воспоминания, возвращалась бессознательность и ненужность обыденного существования, все становилось чуждым и в то же время односторонним, готовым принять и показать что-то интересное. Тело Арта расправлялось, он растекался по полу и направлял взгляд вверх, на потолок, не видя ничего кроме яви воспоминаний. Таяли руки, ноги, их место занимали чьи-то чужие, тяжелые и невосприимчивые.

А потом море. Морской берег и морская соленая волнующаяся глубина.

Арт решил вспомнить, с чего все начиналось. Как он приехал сюда.

– Арто Бульцвек, вылезайте, это ваши новые владения! – Отец развернулся к Арту лицом с переднего сиденья такси и подмигнул. Арт увидел зевающие окна, заглатывающие людей подъезды, летнее марево над мусорными баками в конце улицы и что-то понял. Не то, что ему здесь безумно нравится, не то, что он должен завтра же бежать отсюда. Но мысленно он уже жил здесь с первого взгляда, значит, этот двор чем-то зацепил. Жизнь налаживается.

Тоска по дому оставалась, она никогда не отпускала Арта с полной победой над собой. Однажды, когда Арт вышел на улицу весенним холодным днем, ностальгия преподнесла ему сюрприз. Все вокруг было словно стеклянным и четко очерченным, звуки были резкими и яркими. Арт смотрел вокруг, слушал крики ворон и медленно осознанно забывал, куда идет. Ветви деревьев степенно шевелились в легком ветре. На одной из веток Арт заметил что-то белое, начал вглядываться, зрение предательски не могло показать этот белый предмет во всей его красе.

И тут. Арт ощутил в кристальном воздухе, словно в дистиллированной воде, запах. Запах его старого дома, точнее, квартиры. Явственный и такой приятный, знакомый как небо над головой. Ностальгия окутала Арта своими чарами, он увидел обои в комнатах, вспомнил свое настроение, когда приходил домой, открывал дверь и видел старые голубые шторы, а за ними – балкон. Непередаваемый гул простейших ароматов, который создавал высокопарный шлейф. Перестали каркать вороны, под ногами тек когда-то по-январски скрипящий снег, только небо оставалось неизменным, распахнутым и высоким.

Со временем Арт уже более-менее начал узнавать и запоминать жильцов своего дома, хотя до сих пор путался в иерархическом строе бабушек соседних подъездов. Многие из бабушек были для него на одно лицо, как европейцы для корейцев и наоборот. Об этом расовом "одноличии" очень любили шутить в окружении Арта при редком появлении у модернистов корейца Туета. Тует был хорошим парнем, от него совершенно не разило съеденной на завтрак корейской морковкой или супом с мясом собаки(этот вид шуток был приветственным толерантным жестом для Туета во всех компаниях). Арт присел на качели. Поздоровался с парой плавно проплывающих мимо бабушек. Они были милы и добры к нему, что было бы ценным алиби в случае чего. Арт задумался о мыслях женщин в возрасте и вспомнил Марию Леонидовну.

Однажды он шёл домой, совершенно не вдаваясь в подробности высокого, как вдруг за его спиной раздался щелчок. Потом ещё один. Арт обернулся. Перед ним, опираясь на плохо оципанную палку, стояла обыкновенная старушка и щелкала пальцами. Она смотрела на него в упор, немного прищурившись

– Да, да, я к тебе обращаюсь!

Арт опешил.

– Мне сегодня пенсию получать идти на почту, нужно счастье, вдруг прибавка али что ещё. Ты это, перейди мне дорогу, а то идёшь по тротуару, ни туда, ни сюда.

– Зачем? – На Арта накатило чувство, что его втягивают в игру могущественных и тайных.

– Примета такая вообще-то есть! Стыдно, молодой человек, приметы не знать! Ну, давай, переходи уже, а то у них обед скоро. – Старушка начертила в воздухе палкой примерную траекторию движения Арта.

Арт поднял бровь бы, совсем как Влад, но охнул и быстрым шагом прошёл поперек дороги.

– Вот же, паразит, спасибо. А то никого не заставишь помочь. Тебя как зовут хоть?

Арт засомневался в том, что стоит говорить ей настоящее имя, но потом понял, что утаить его долго все равно не получится.

– Арт. Меня зовут Арто или просто Арт.

Бабушка нахмурилась:

– Ты вообще откуда такой? Нерусский, что ли, или родители решили выделиться?

Арт промолчал и опустил глаза. Это была достаточно личная подробность его жизни, которую он точно не хотел сообщать этой женщине в годах.

– Ладно, что с тебя взять. Я, кстати говоря, Марья Леонидовна, живу воон в том подъезде. – Она тыкнула пальцем в сторону панельного леса.

– Приятно познакомиться.

– Ага, тебе туда же. Если бы на тебе еще и паук сидел, точно были бы скидки в магазине.

– Это примета тоже такая? – Арт уже ничему не удивлялся.

– А то. Я всю жизнь свою долгую по приметам жила, и дожила же, как видишь, до 82. Вот, например, чай разлил – к счастью, муравьи в доме кстати тоже к хорошей жизни. Тебе рубашки стоит надевать с правого рукава, к везению. До утра еще в окно не смотри, пока солнце не взойдет.

– Удачи не будет?

– Именно! Какой догадливый. Я вот еще в квартире у себя убираюсь редко, чтобы паутины не портить лишний раз.

Арт представил, что творится в квартире этой женщины. Наверное, эту квартиру можно использовать как декорации к жилищу ведьмы или ведуньи. Арт вздрогнул. Не любил он магии и подобных мифических вещей. Однако, самобытность и самоуверенность этой женщины поражала. Арт был уверен, что она всегда считает себя правой, несмотря на критику. Что творилось в ее голове, Арт даже не решился представить. Во время мерного аналитического потока его мыслей, Марья Леонидовна, вроде так ее звали, не сводила глаз с Арта.

– И всё-таки не русский. А вот умирать где будешь, на родине или здесь? – Глаза её усмехнулись и сщурились ещё больше. Арт снова вздрогнул. – Я вот уже себе все купила для похорон. И платье зеленое, бархатное, и накидку к нему в комплект, и чулочки резные, и туфли лодочками белыми. Вчера вот только цветы в хозяйственном купила ненастоящие, симпатичные очень, и набросала список гостей, и что на стол на поминки ставить. Вот пойду как раз после почты покупать шпроты. – Она по-детски широко улыбнулась, именно не оскалилась, как делают многие старше 25, а просто улыбнулась. Это успокоило Арта. Он задумался, что, наверное, ему тоже стоит подумать об одежде и праздничном столе для этого мероприятия. Собственных похорон. Заметив его мысли, Арт уже не сомневался, что и это она умеет, Марья Леонидовна продолжила:

– Не забывай, что нужно красиво уйти, как на праздник. В костюме или хотя бы брюках и рубашке. И чтобы руки скрещены были, и цветы обязательно. А ещё гостей щедро накормить, напоить, чтобы тебя добрым словом вспомнили. – От таких разговоров Арту снова стало не по себе, он мысленно начал уходить к высоким темам, стараясь абстрагироваться от этой женщины. Но она сама заторопилась.

– Все, заболталась я с тобой, не могу больше стоять, а то на почте все клуши на обед уйдут. Бывай, паразит! – Мария Леонидовна взмахнула палкой, как странный дирижер невидимому оркестру, и медленно пошла по дороге.

Арт пошёл в сторону дома, не оборачиваясь, подсознательно ускорив шаг и представляя себя в прямоугольной тишине. Страшно. Он подумал о значении этого слова и вспомнил, как однажды они говорили об этом с Еленой.

Несколько месяцев назад она пришла к нему и рассказала, что её чуть не сбила машина. Арт очень занервничал (сейчас он явственно ощутил то беспокойное своё состояние) и сказал ей, что ему страшно её потерять. Тогда Елена спросила его, что для него значит "страшно", в каких случаях он произносит это слово. Арт уже не помнил, что ответил, но он помнил зато, что на следующий день вместо своего ответа Елена передала ему стих, собственного сочинения. Это было совсем на неё не похоже, и Арт долгое время думал, что это стихотворение она нашла у какого-то хорошего, но малоизвестного автора, переписала и отдала ему. Стихотворение так и называлось, " Страшно ". Арт понял его и заучил наизусть только когда они с Еленой перестали общаться. Теперь строки бегали в его голове, и мозг пытался воспроизвести их голосом Елены:

Сегодня скороговорчатое число октября. Я позабыла.
Все равно деревья те же и тот же год, неважно.
Я медленно иду, упираясь в углу алфавита.
Я вижу тебя. Мир режет связи. Страшно.
Руки, ножницы шелкают, звук этот прямо над ухом.
Так звезды полночные, с неба срываясь, поют.
Я вижу тебя. Метро отражается глухо
Пульсом холодным под ноги, во льду.
Я вижу тебя. В сущности, видит мой мозг.
Я вижу сомнения лишь и то, над чем можно рыдать.
Сейчас в моей голове произведён срочный допрос
Стрелок секундных, решивших вместо минутных бежать.

Уверен ли он, Арт, что там "допрос", а не "опрос" стрелок? Он вспомнил Елену. Ещё раз, более вдумчиво, чтобы ощутить интонации её голоса. Нет, все же, допрос. Как там дальше?

Беспрепятственно мне навстречу идут ноги чужие, словно
Пружины, не боящиеся износа. Страшно.
Сразу вспоминаются такие же тугие локоны
У молодой смеющейся секретарши.
Я вижу тебя. Точнее, хочу увидеть,
Призма времён накладывает изменения.
Запирает слова в седину, налаживает добычу нефти и лития,
Изменяет идеологии целого поколения.
И поколения изменяют. Топят котят, убивают людей, поедают
Грехи на завтрак, а на ужин чужие слёзы.
Рекламные баннеры, юмор, религию не отторгают.
Я хотела бы видеть тебя. Прямо сейчас. Страшно. Наползают морозы.
"Я хотела бы видеть Вас. На встрече персон из моего прошлого.
Мой секретарь по телефону уточнит все детали.
Пожалуйста, бросьте все, что не было раньше брошено,
И приходите. Вечер будет в банкетном зале."
Мои глаза смотрят в мои же глазницы.
Я – не часть этого мира, я он и есть. Все напрасно.
Я дописала все. Вспорхнули с провода птицы.
Я вижу тебя. В бреде, пред собой, безобразной.
Страшно. Слезают, как пот и кожа, страницы,
Года наползают, затыкают уши и здравый смысл.

Расширяются грани, кто-то также все ищет мыло,
Кто-то – чудо. Все качаются на мирском карамысле.
Сегодня скороговорчатое число октября. Но я не забыла.

Последние слова в стихотворении звучали как угроза, Арту показалось, что голос Елены в его голове произнёс эту фразу чётко, звеняще, словно металла кусок упал на его сознание. Хотя. Возможно, это были слова трепета и нежности, что могло значить – Елена до сих пор не позабыла Арта и не сделает этого никогда. На неё это снова было не похоже, но Арт был полностью уверен, что он её совсем не знает. Поэтому любая догадка в сторону этой девушки приобретала две завораживающие параллельные реальности – "правда" и "вымысел". Арт постарался вернуть свои мысли к образу Марии Леонидовны.

Шли дни и даже месяца. Арт встречал Марию Леонидовну чаще, возможно, потому что присматривался к лицам женщин и знал, какое искал. Она начинала нравиться ему как человек, самобытный, несокрушимо верующий в свою точку зрения как в ось вращения всего мира вокруг. Она была уверена, что пока она соблюдает обряды, связанные с приметами, она сама вытягивает себя за волосы из болота беспмятной смерти, поэтому при каждой встрече Арт снова и снова переходил дорогу, искал на себе пауков, обещал просыпать соль за ее недругов. Но оно того стоило. Мария Леонидовна была образованнейшим человеком, хоть сильно этого не показывала, словно стыдилась своего ума, беседы с ней напоминали блуждания в ночном саду, где каждое дерево, каждая тема была изогнутой и темной фигурой извне. Иногда этот сад становился Гефсиманским, когда Мария Леонидовна выводила разговор на тему смерти и предназначения. В такие моменты у Арта всегда появлялось чувство, что его рог уже отрубил начало изобилия, и сейчас только рок может сыграть на органе в церкви за его упокой. Словно над Артом все это время висело отягощающее предзнаменование, которое видели хитрые глаза Марии Леонидовны. После их разговоров Арту всегда приходили образы моря, блокнот неустанно пополнялся заметками о волнах, скалистых берегах и тучах, из которых Арт подумывал создать книгу. Он никогда толком не знал, откуда берутся эти образы. Арт не был на море, даже спрашивал у родителей, памятуя о возможности плохой памяти в раннем детстве. Но нет. Он никогда не видел морей или океанов. Картины соленой стихии возникали в моменты еле заметного даже для самого Арта выплеска скрытых переживаний. Они успокаивали своей красотой, а он взамен послушно записывал их в блокнот.

Арт рассказал Марии Леонидовне о своих особенных отношениях с морем, хотя такое личное и странное доверял до этого только себе.

Она знала, казалось, о нем, «Ратушке», многое, Арт о ней – тоже. Семья, дети, переживания и подобные наименования доверия Мария Леонидовна спокойно доверяла парню с рыжими волосами. Почему же не с ней здороваются он сейчас, сидя на качелях около дома, слева от которого она любит ходить?

Прогулки в одиночестве по городу без определённой цели Арт считал полезными для здоровья. Иногда Арт брал с собой Макса, своего друга, и они молча шли рядом многие минуты и часы. Было в совместном шагании по бульварам что-то одинокое и приятное, совместное очищение от гомона и обязательных всплесков разговоров. Макс любил ходить слева. Просто потому, что рабочей стороной, к которой был повернут к собеседнику, считал правую. Интересный факт: Арт, в свою очередь, не любил смотреть на человека рядом при пешеходных прогулках. Так они и шли, рядом, каждый в мыслях о своем, исполняя собственные традиции, не дополняя друг друга, но и не препятствуя совместному течению мыслей. Часто Арт думал при прогулках с Максимом о том, как часто они одновременно обрабатывают в головах одинаковые

тезисы и идеи, сливаясь в одно существо о четырёх ногах. Максим чувствовал больше, чем хотел описать свои чувства. Он был противоречив, за что Арт его безмерно любил. С одной стороны, Максим мог показаться общительным, знающим всех людей из любого тёмного угла и из широкого коридора, но по-настоящему он был молчалив и сдержан, при близких людях у него даже ухудшалось чувство юмора, падало с низов общепонятного до тонкого, извилистого, понятного только Максу. В нем было место для глубоких суждений и для поверхностных чувств. Максим уравнивал мир Арта, прекрасно понимая его натуру, рядом с ним Арт действительно мог делать желаемое и быть, как принято оформлять это понятие, собой.

В тот день Арт пошел на променады без Макса. Музыка компенсировала его отсутствие, ровно как и серое небо компенсировало и распределяло солнечный свет. Центр города остался за станциями метро, тамбуром и двумя сотнями шагов от остановки. Арт вышел на знакомые улицы. Начинался его район. Знакомых людей не было, но и незнакомцы казались ближе и добрее на своей территории.

Рядом с детской площадкой, приютившейся посередине двора, произрастала возня. Дети, женщины, пытающиеся с лавочек управлять этими детьми, мужчины, занятые культурным пивным досугом, заводящиеся и уезжающие машины с такими же ценителями тёмного и светлого. Одна из машин, бежевая легковушка, привлекла внимание Арта. Из нее тянулись ветви поистине большого и судорожного гула, и Арт решил не отрывать от нее взгляда, пока шёл мимо площадки.

Из машины доносились громкие возгласы, в ней явно происходила возня громоздких тел. Наконец из машины выполз мужчина неопределённых лет и жестом гладиатора, наносящего удар, попытался открыть багажник. Багажник поддавался на четвертой попытке, гладиатор радостно ухнул и начал доставать ящики пива. Добрая часть бутылок из одного ящика уже была пуста, заметил Арт. Из темноты багажника послышался лай.

– Черт, Брат, брат, я совсем забыл, что ты тут!

Мужчина, покачиваясь, взял пса, он оказался доберманом, на руки и поставил на асфальт рядом с машиной. Пес огляделся. Мужчина хлопнул себя по лбу:

– Твою мать, мы ж сигареты забыли купить! Вадик!

Из машины вылез еще один товарищ и с грустными глазами протянул:

– Да... О, дааа, о даааа...

Первый мужчина явно занервничал и засуетился. Он ходил по кругу, пошатываясь, что казалось, будто он совершает ритуальный танец. Хотя кто его знает, может, это и было танцем.

– Вадик, понимаешь, твою ж, я про сизи – то что так переживаю. Я – то перебыюсь, у меня осталась одна, два тяга уже есть. Но я ж, блин, запоминал, чтобы вместе с ними купить Брату корм. Ты понимаешь, мой брат, мое самое родное и не жравши! – Фигура взмахнула руками, потом вытерла глаза и сплюнула. – Ну и что ты тут еще стоишь? Живо в машину, тут Перек за углом!

Мужчина выругался, затолкал в машину второй вылезший субстрат и залез следом. Потом послышался рев первого мужчины, из машины выдавилась третья личность, которой из салона объяснили, что она должна охранять пиво и пса. Личность блаженно прилегла на ящики. В машине дали по газам, через секунду она уже была готова скрыться за поворотом.

И тут Арт почувствовал, что-то странное, необратимое, важное. Арту было не видно, что происходит. Машина резко остановилась перед изгибом улицы, послышались сдавленные крики, снова ругань и снова возня. Какая-то неведомая сила потащила Арта к машине. Когда он обогнул ее и подошел к капоту, он увидел, что перед ним на дороге лежит Марья Леонидовна. Арт видел ее лицо, уставшее донельзя, полузакатившиеся глаза. Крови не было. Над Марией Леонидовной склонились трое из машины, всего их было, видно, четверо.

– О, парень, слышь, иди сюда. – Арта заметили. – Мы понять не можем, что она говорит. Тут дело такое, сам видишь, случайно получилось, Вадик ее не заметил. Пожалуйста, помоги. –

Голос первого мужчины на этой фразе стал полон отчаяния и надрывности. Но лицо его совершенно не выдавало этих чувств.

– Хорошо, хорошо.

Арт нагнулся над Марией Леонидовной. Она закричала и подняла слегка руку.

– Ратушка... матушка, как хорошо пполуч_ется. Три мужика сбили, число-то какое хорошее. Не четное, главное. – Тишина. – Главное, не как цветов на могилке. Три мужика, матушка... Ааааах... Значит, в рай попаду.

Она замолчала. Арт подумал о неслучайных случайностях, смысле жизни и о том, как ему угодить. Та четвертая личность, и не зная о своей вселенской роли для этой старушки, спала, наверное, на коробках пива. Хотя, ведь все началось с пса. Или с пива, которое заранее в себе хранило уже исход событий. Из окна этажа шестого дома, нависающего над дорогой и машиной, высунулась какая-то женщина, оценила происходящее и начала громко порицать мужчин, говоря о вреде алкоголя и лихачества. Она уже перешла на ор, параллельно набирая номер, как она сказала, полиции. Возможно, подумал Арт, она тоже пьяна, трезвому человеку было бы все равно. Скоро в трубке ей ответили.

Взволнованная, несмотря на угрожающие крики мужчин, она рассказала про кучку наркоманов, которая сначала сбила, а потом еще и переехала «для верности на своей тачке» старушку. В трубке ее «поняли и выехали». Арт сидел на корточках рядом с Марией Леонидовной и не участвовал в цирковом представлении. Интересное дело, но ему показалось, что все меряются уже чем-то друг с другом, выясняют отношения и орут, прикрываясь жертвой инцидента, но совсем не обращая на нее внимания. Она не дышала уже вовсе, просто лежала на асфальте как на блюде. Что ей хотелось в этот момент? Хотелось ли чего – то кроме того, чтобы ее похоронили в зеленом платье и белых купленных заранее туфлях?

Гомон продолжался, издали нарастал лай собак. О том псе снова забыли, подумал Арт. Арт встал, окинул кричащую массу личностей, наверное личностей, взглядом на память и пошел в магазин. «Перекресток» за углом тоже кишел личностными субстратами, Арту почему – то резко они все опротивели, и казалось, что Мария Леонидовна, – единственный настоящий человек, который и то покинул этот свет. Арт купил корм для собак, скрючился в улыбке на кассе, когда предложили пакет, и, на едином выдохе, выскочил из магазина. Улица успела сгуститься и стать темнее. Арт прошел мимо места аварии, там уже стояли две машины с мигалками, и четверо бравых товарищей в форме вели оздоровительные беседы с мужчинами, одновременно заламывая им руки. Крик не стихал. Тело с асфальта так и не убрали, потому что ждали приезда криминалиста, судя по крикам. Арт прошел мимо, ухмыльнулся и начал глазами искать ящики пива и пса. Ящики были на месте, как ни странно, спящая на них личность тоже, а вот пса не было.

– Брат! Брат! – Арт сделал свой голос грубее, пытаясь подражать голосу первого мужчины.

Пес не откликнулся. Арт еще раз огляделся. Тогда он и заметил Брата, который спокойно лежал под кустом сирени метрах в трех от дороги, положив голову на лапы. Пес спокойно смотрел на Арта, словно обдумывая, откликнуться ему или нет. Арт сам сделал первый шаг, подошел к псу и высыпал перед ним немного корма. Брат тяфкнул, быстро лизнул руку Арта и начал есть. Арт улыбнулся. Ему подумалось, что он теперь хоть немного оторвался от тех субличностей и стал похож на человека. Хотя кто такой человек, кто-нибудь его вообще видел когда-то? Поэтому Арт решил быть похожим на Брата, все равно все – создания живые, дышат и едят одинаково. Он еще посмотрел, как ест Брат, а потом побрел домой.

Сегодня в жизни потерялся человек, для которого каждое появление Арта было неподдельной радостью. «Ратушка». Больше его никто так не назовет, потому что попросту не придумает. Слово трое мужчин вырезали самую редкую часть души Арта и оставили ее лежать на асфальте.

похороны. С маленькой буквы, со страшным холодом. Марию Леонидовну похоронили восемь дней назад. Она не дожила несколько дней до своего восьмого юбилея.

На кладбище стояло много людей. На поминки пошло еще больше. Мало кто вставал и говорил что-то в память об ушедшем человеке, многие старались говорить с рядом сидящими людьми, создавая ощущение скорбящего тихо гогочущего улья. Арт сидел рядом с какой-то женщиной, которая решила, видимо, изначально не донимать Арта разговорами, по правую же руку от Арта восседал Гена. Гена Дрейфов.

Он был внуком Марии Леонидовны. Молодой человек со сложной жизнью, хотя бы потому, что страдал аутизмом. При этом обладал, по сравнению с другими обучающимися в центре развития соседнего района, гибким умом и природной хитростью, из-за чего с легкостью проворачивал мелкие аферы среди остальных больных и почти никогда не нес за это наказание. Макс был в том центре волонтером, лично знал Гену и уже заранее сказал Арту, что можно ожидать от этого человека.

Хитрый среди мудрых, глупый среди умных.

Арт с уважением относился к обучающимся в центре развития людям. Они могли видеть и знать по-другому, выслушивать тебя и рассказывать свои необычные, но мудрые в своей странности и простоте, истории. А Гена был хитер. Глаза его были узкими, взгляд – прослеживающим и прочитывающим ситуацию. Но в обществе обычных, «других» людей, Гена терялся и распахивал глаза, поджимал губы и теребил край рубашки.

За столом Гена был напряженным и молчаливым. Арт тоже чувствовал себя некомфортно и решил заговорить с Геной. Сначала Дрейфов не проявлял ни единого признака интереса к беседе, а потом резко повернулся к Арту, когда все сидящие за столом подняли рюмки.

– Закусим? – Дрейфов сказал быстро и словно осипшим голосом.

– Ну, мы же еще не выпили даже. Обычно закусывают после того, как выпьют.

– Да знаю я! – Гена резко стал раздраженным. – Просто до того, чтобы выпивать, я доходил, однажды, месяца два назад. Но то было в спешке. Чтобы не увидели. – Теперь Дрейфов перешел на стремительный шепот. – А вот чтобы чинно выпить и потом закусить еще – такого не было. Мне сегодня здесь пить нельзя, слишком много. Ну. Знакомых и глаз доносчиков. А вот закусить я хотел бы. С тобой. Ты вроде чем-то на наших, да и на меня, похож. – «Ну спасибо», подумал Арт и промолчал. – Я – человек не компанейский особенно, мне сложно найти, с кем поделиться мыслями и выпить, для того и для другого компания определенно нужна. Ну, так закусим? Хотя, ай, к черту!

Гена схватил бутылку и хлестнул водкой по рюмке.

– Стой, стой, прошу тебя, не надо! Сегодня от этого лучше не станет. – Арт освободил бутылку от рук Гены и сел, похлопывая Гену по спине. – Это вовсе не обязательно сейчас всем пить.

Дрейфов с обидой в голосе просипел:

– Но ты же пьешь!

– Да. Но я делал это уже в официальной обстановке и отдаю себе отчет. Вот, представь, что это алкоголь и выпей. А потом закусим.

С этими словами Арт налил Гене и себе воду из графина. Гена молчал. Насупился. Когда все подняли рюмки вновь, он взглянул на Арта и тоже поднял свою, с водой. Арт последовал его примеру. Потом они закусили солеными огурцами и бутербродами. От этой процедуры Гена успокоился и не проронил больше ни слова до конца вечера.

Когда Арт снова заскучал, ближе к концу поминального застолья, слово взял Виктор Александрович. Арт его уже встречал раньше пару раз. Этот высокий, полноватый, с грубыми

чертами грустного лица человек был бывшим мужем Марии Леонидовны. Всем он говорит, что работает на часовом заводе, вызывая тем самым уважение. Но, пожалуй, только Арт знал, что Виктор Александрович относился очень косвенно к технологиям заточения времени в материалы часов, поскольку на том заводе он работал уборщиком долгие 20 лет. Неумение Виктора Александровича иметь перспективы и стало причиной развода, о чем часто упоминала Мария Леонидовна. Он встал, поправил подтяжки и галстук, громко кашлянул и гордо поднял полную рюмку.

– Коллеги по несчастью! Я хотел бы сказать пару слов о том замечательном человеке, которого теперь нет рядом с нами. Когда я впервые встретил Машу, что было крайне давно, я сразу понял, что передо мной экстраординарный экземпляр женщины. Когда я впервые вошёл в её квартиру, меня сразу поразили висевшие на стене «топор от недругов». Он до сих пор там и висит, Маша завешала, чтобы в её квартире ничего не трогали. Я уже забыл, что хотел сказать, но суть остаётся в одном: выпьем за хорошего человека, который так не своевременно оставил эту землю! Земля тебе пухом, Маша!

В исполнении Виктора Александровича речь казалась торжественной, словно она была сказана на вручении премии. В завершении он крякнул, залпом выпил водку и явно остался собой доволен. Арту речь не понравилась, поскольку для него она была слишком наполнена водой и отрешенностью. Виктор не любил Марию Леонидовну. Хотя.

Арт вылил в глотку стакан воды и закрыл глаза. Казалось, что провалиться под землю можно было и без помощи силы тяжести. Лишь бы не сидеть за этим длинным опустошающим и опустошающимся столом.

Уже наплывали тучи на крутые холодные берега. Голые деревья стелились под ветрами, вытягивали ветви к скалистым уступам, на которых росли. Последняя, жгуче-ржавая, бордовая трава торчала под ногами. Из травы пробивалась пара маленьких белых соцветий, которые неустанно качались из стороны в сторону, касаясь подошвы ботинок. Вдалеке, почти над волнами по горизонту, окружили чайки и пели баллады о своих братьях, которые в пену морскую превратились. Наступала осень. Настоящая, холодная, бурная и свистящая в окнах. На побережье ложился туман, а следом за ним и вечерний полумрак.

Арт уже был дома. Сидя в кресле, он неосознанно ушел слишком далеко в воспоминания. Да, и такое было в его жизни. Нужно стараться идти дальше, несмотря на потери. Писать, чувствовать, описывать, пока не кончатся последние силы. Зачем? Арт не знал, но зато он чётко ощущал над собой нависшее нетканое бремя, твердившее строки и образы прямоком в пальцы Арта, а потом и на бумагу. Арт закрыл глаза и провалился в сон.

Сон

На потолке висела картина.

– Странно, да? – Арт обернулся.

За его плечом Максим опустил взгляд и прерывисто поддакнул, а потом неловко замолчал. На неровно покрашенном белом потолке комнаты, посередине, красовался портрет красной кошки в большой золотистой раме. Тем не менее, это не делало комнату экстраординарной, она была слишком простой для этого, сама в себе. У левой стены шелкнула, завертелась и поддалась дверная ручка. Дверь открылась, в проеме показалась девушка с собранными в низкий пучок соломенными волосами. Она оттолкнулась обеими руками от дверного косяка и прошла в комнату.

– Хей-хо, ребята! Как вам, нравится?

Она, то есть Владилена, довольно окинула комнату взглядом. Арт знал эту девушку уже достаточно давно, но увидел ее квартиру тогда словно впервые. Зачастую «салон модернистов» собирался на квартире Арта, которой было дано название «башня» из-за того, что Арт жил выше всех остальных модернистов, имевших квартиры на первых-третьих этажах. Место обитания же Влады было таким же непостижимым, как и она. Владилена, неудавшийся архитектор, по совместительству художник, в прошлом и программист в настоящем. Она не смогла примериться с тем, что стала обыкновенной девушкой в очках, которая сидит за компьютером круглосуточно и пишет программы для бездушных машин. Здесь все было таким специально, вычурно необычным, каждая вещь застыла в крике о собственной необходимости и неординарности. Словно в четырех стенах собрали всех недовольных властью и притеснением женщин. Владилена или просто Влада смотрела на гостей и жадно ждала их реакции на свое творение. Эта привычка у нее осталась со времен, когда она еще часто рисовала. Арт откашлялся, чтобы разбавить атмосферу, натянутую улыбкой Максима.

– Да, очень интересно, и правда. Нам нравится, Макс?

Максима привлекло серое пятно на голубой стене, очевидно, оно было для него здесь самым настоящим. Он стоял спиной к Арту, были видны его отросшие вьющиеся пряди волос, которые выбивались из общей копны и стремились оплести сзади шею. Были видны вены на руках, аккуратно заложенных за спину. Арт думал, как противоречив этот человек: Арт знал его четыре года, но мало что знал о нем. У него всегда была опрятная стильная одежда, но популярным он не был, и вкуса, кстати, тоже особо не имел. Максим был зажатым, скрытным и тихим человеком, который не умел одной своей улыбкой или шуткой поднять людям настроение на целый день. Тем не менее, Арт его ценил, как ценят непорочное в последних кругах – самозабвенно, осознавая, что то есть последняя надежда. Этот человек не был до конца тронут обществом, его общими интересами и надеждами. Он был сам по себе, «автономная система». Это обстоятельство и держало Арта рядом с Максимом, показывало ему красоту в этих пожимающих острых плечах и странно поджатых губах.

«Счастье, как гармония, не там, где мы стремимся его найти».

Эта фраза, которая тянула в омут мыслей и воспоминаний, стояла в раме на полу, рядом с кроватью Влады, белая, написанная разными шрифтами на черном фоне. На кровати же все подтверждало правоту этого высказывания, – на небрежно откинutom одеяле лежала стопка футболок и кофт всех цветов и, похоже, размеров. Там же были раскиданы наушники, косметички, заколки и блокноты с бесконечными зарисовками. Счастье было не здесь, судя по всему.

Влада легким сквозняком пронеслась в центр комнаты, взяла стул, резко развернула его и села, как на коня, руки положив на деревянную спинку стула. Ладонями она забавно подперла щеки и скорчила рожицу.

– Ты сегодня чрезмерно задумчивый, все нормально? А то ты так мозолишь меня и этого парня глазами, что страшно становится. Выйди уже из омута мыслей. А, да, кстати, это вообще кто? – Она жестом полководца указала на Макса. Он этого, конечно же, не выдержал и еще больше сложил к грудной клетке плечи, как крылья.

– Это Макс, я же говорил тебе, что он придет со мной. – Арт вдруг почувствовал прилив злости на всех присутствующих за то, что они такие неправильные и какие-то не идеальные. Он бы вел себя по-другому. И на его, и на ее месте.

– Хорошо, я просто как обычно все забываю. Так что, пошли в бар? И да, слишком много для этой комнаты вопросов, озвученных моим голосом. Включайтесь в беседу. Макс, расскажи о себе!

Удивительно, как эта девушка так держала людей в своей власти и под своим желанием, а с самой собой совладать не могла. Может и не хотела, считая ветер своей стихией. Хотя бы эти странные полусерые тени с ее курса смогли немного убедить ее в приземленности и неудохотворенности этого мира, все ее идеологии, разделив на смысловые единицы и нули. Примечательно то, что пустоты нулей оказались в абсолютном торжестве, в честь чего на шее Владилены можно было теперь разглядеть небольшую золотую овальную подвеску, олицетворяющую ноль. Она особенно охотно открывалась миру из-под футболки Влады, когда она подавалась вперед при хохоте, сжимая ладони и кладя их между коленей.

Максим отделился от голубой стены с серым пятном своим вниманием и прилепил его на упрямо смотрящие глаза Влады. У них завязался диалог. Такие первичные необтесанные ступени новых знакомств набили Арту немало мозолей на ногах, поэтому он даже не стал слушать их речей. Вместо этого он подошел к кровати Влады и начал аккуратно закрывать и складывать в стопку ее записные книжки. В них были какие-то огромные на всю страницу глаза, красные изогнувшиеся коты, совсем как их родственник, распятый в тяжелой раме на потолке. Были какие-то быстрые записи мелким ломаным почерком и наброски города, в основном лестниц и фасадов. Засмотревшись на очередной, украшенный хилым ангелом без крыла и теней, рисунок, Арт не заметил, как Влада резко соскочила со стула, чуть не уронив его. Сконфуженный Максим замолчал, несмотря на то, что последняя реплика была за Владой. Он хотел сказать ей о важности неповторимости человека, но стремительный и неординарный поток эмоций обогнал его, оставив в воздухе только первый звук предложения. С неразборчивым криком она подлетела к кровати и вырвала из рук Арта блокнот.

– Нет! Нет, понимаешь, и еще раз нет! Это наплевать на мои руки, которые старались и выводили это только для своей хозяйки, а не для задумчивого созерцателя великих шедевров Лувра и Эрмитажа. Моим рукам и так свойственно чувство стыда, которое транслируется из далеких нейронных сетей, часто лишь за то, что они разлили кружку кофе. А теперь еще и мой мозг чувствует себя виноватым за то, что допустил тебя к моим сокровенным откровениям. Ты представляешь, что натворил, Арт?!

Все это время Владилена сжимала распахнутый тщедушный блокнот, словно это был ее последний продолжатель рода. Сзади подошел Максим. Он оценил обстановку, вынул из карманов свои аккуратные руки и бережно ими взял шелестящее яблоко раздора. Он положил блокнот на кровать зачем-то намеренно не в стопку и бессмысленно поизучал его глазами пару секунд. Затем Макс поднял свои серые маслянистые глаза, посмотрел на двух людей, которые шлепающими губами и глазами пытались друг другу что-то сказать, так же немного поизучал их, а потом неспешно отошел на прежние позиции.

– Что ж, давайте, как и собирались, пойдем в бар. – Арт первым оторвался от этого колеса эмоций и высказал вескую мысль.

В "Колючем репейнике" эта ночь была объявлена ночью черно-белого кино, а значит, вход становился туда дороже и с духовной, и с материальной точки зрения. Накопленные за месяцы работы Артом деньги покидали его со скоростью молодых разочарований. Но на

эту ночь он заранее отложил несколько купюр. В старом был ответ на манящее завтра, была загадка, спрятанная в недостроенных декорациях за кадром, в недоигранных лицах актеров, которые не попали в главный дубль. Было все, что любил Арт и его единомышленники. Сами собой они создавали некий салон вольнодумцев, ограниченных рамками собственного недоросшего полного познания неполного по своей сути. В него могли приходиться на выставки и конференции, но совладельцами и постоянными участниками становились лишь редкие личности. Лишь достойные.

Трое, не считая воспоминаний, воплощавших рядом других людей, стояли на остановке. Они ждали Арсения, достаточно ординарного молодого человека с комплектом странностей. Именно он когда-то открыл во дворах старого центра города уткнувшее голову в маленький пропахший двор кафе. Оно было цвета репейника в цвету. Кофе там подавали в старинных кофейниках, а один одинокий официант носился по двум этажам залов в старомодной форме, которую то ли сшил сам под скрип патефона, то ли грамотно

купил у старьевщика. "Колочий репейник" колот лишь если сладостью от спокойной и немного отстраненной от мира за большими стеклами атмосферой. В нем хотелось вечно просить добавить сливок в эспрессо или принести лишние кусочки сахара, лишь бы смотреть, как бегают официанты, а все вокруг содрогается от его суеты. На подоконниках в изящных, старых графинах стояли ветки непременно белого шиповника, который, как говорили, рос дома у того самого официанта. Это скорее было похоже на легенду, которая

из романтических пригородов Парижа перекочевала в сборище коробок по 9 и 16 этажей, но все всё равно в нее верили.

У Арта мерзла голова. Куртка не грела, на голове была летняя черная бейсболка, которую одолжила Влада, а свою теплую вишневою шапку он забыл дома. Как и очки, которые он носил ради чистого удовольствия и ощущения реальной иллюзии на глазах. Это помогало избежать постройки собственных невидимых иллюзий. В них он не боялся огня и дождя, ветра и солнца, хоть в них и были вставлены обыкновенные прозрачные линзы. Скулы Арта сильно выделялись на фоне круглой оправы; они были светлыми линиями на впалых щеках, которые соединяли холодные виски и концы извечной задумчивой ухмылки. Раньше морозные легкие дуновения зимы взвили бы кудрявые волосы Арта, но сейчас на призрачном свете часто вычерчивался лишь череп, составленный из костей и обтесанный девятнадцатью годами. Тогда же его радушно прикрывала бейсболка Влады.

Волос Арт лишился спонтанно и нелепо, так же, как и лишаются всего самого важного в жизни. Однажды утром Арт проснулся и понял, что просто хочет в себе поменять что-то не внутреннее, а внешнее. Выбирать долго не пришлось, в зеркале было вызывающе много рыжих витых прядей, которые падали на лоб при любом движении. По сравнению с ними все остальное было нужным и очень даже не броским, чтобы менять. Тем более, после нескольких месяцев переживаний, пряди одна за другой начали медленно покидать Арта, их выпадение знакомый врач обусловил нервами, которые истощили не только нутро, но и наружность. Что ж.

И вот он уже сидит в симпатичном, но обычном кабинете. Стул крутит его вокруг своей ноги с невероятной скоростью, подбадриваемый сильной, но дрябловатой полной рукой медсестры. Некая мастерица поликлиники, в которой работала мать Арта, которая тихо и совер-

шенно дешево пострижет любого родственника распространяющегося персонала медсестер. К сожалению, Арт опрометчиво не запомнил имени и отчества этой великолепной женщины, и поэтому ему приходилось молча терпеть на третий и последующие разы боль, когда медсестра дергала с особым усердием прядь его волос. Говорить же постоянно "извините, пожалуйста!" как кличку вместо имени было крайне неуважительно. И Арт терпел, сжимая кулак левой руки и потирая руки о колени.

Рыжий водопад усиливался, в его власти оказывалась все большая площадь округи стула. Пряди кипели, пенились, наплывали на туфли медсестры и втаптывались ей в пол. С этим водопадом что-то падало из души Арта, заставляло его вздрагивать и чувствовать холод более осязаемым, чем обычно. Словно весь накопленный осадок от прожитых лет, что называют опытом, существовал и дышал в этих прядях. С их исчезновением сознание Арта все больше мутилось, мысли исчезали с мягкой поступью невинных. После умершие огненные маленькие ручьи убрали с помощью швабры и совка. Но над самым омутом урны, куда их собирались навсегда бросить, Арт вскрикнул. Мать, оживленно говорившая с другими медсестрами, населявшими кабинет, удивленно и по-странному понимающе посмотрела на Арта. Он попросил отдать ему пряди. Это как попросить побыть один на один с навсегда замолчавшим другом в деревянном тесном ковчеге. Нужно прощаться. Всем и со всеми. Хотя бы секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.